

ЕЩЕ РАЗ ОБ УЧЕБНИКЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ¹

Первый советский учебник латинского языка для средней школы С. П. Кондратьева и А. И. Васнецова встретил достойное внимание как на страницах ВДИ (рецензии Я. А. Ленцмана и В. С. Соколова, №№ 3 и 4 за 1949 г.), так и журнала «Иностранные языки в школе» (рецензия А. Коваржевского, № 5 за 1949 г.). Рецензенты раскрыли с достаточной полнотой как положительные стороны учебника С. П. Кондратьева и А. И. Васнецова, так и его многочисленные недостатки. Характерны окончательные оценки, данные этими рецензентами учебнику: они диаметрально противоположны. Я. А. Ленцман с позиций принципиально-научной критики учебника сквозь все его недостатки видит в нем явление в общем положительного значения; А. Коваржевский, наоборот, рассматривая учебник с точки зрения пригодности его для школы, дает ему резко отрицательную оценку. Стоя на позициях чисто методологических, В. С. Соколов находит учебник лишь не отвечающим задачам школы в области преподавания языка.

Такое противоречие в оценке учебника вполне закономерно и естественно уже потому, что сам учебник в достаточной степени совмещает в себе как значительные положительные качества, так и еще более крупные недостатки; да и точки зрения рецензентов тоже разные. Но, и помимо того, такая разноречивость в оценке учебника не является простой случайностью. Во-первых, она свидетельствует о явном интересе со стороны научной и педагогической общественности к вновь введенному в план средней школы предмету. Во-вторых, многочисленность и противоречивость откликов на него указывают на то, что создание первого именно советского учебника по древнему языку, вопреки ожиданиям (прежде всего самих авторов книги), оказалось делом чрезвычайно сложным: в нем следовало методологическую целесообразность органически сочетать с новизной и важностью поставленной школьному преподаванию задачи, а методическое совершенство с научно обоснованным подходом к раскрытию излагаемого материала.

Со своей стороны мы, солидаризируясь с Я. А. Ленцманом и В. С. Соколовым, должны особенно подчеркнуть одно совершенно неоспоримое положительное качество рецензируемой книги, которое, несомненно, говоря словами В. С. Соколова, «будет подхвачено и продолжено в последующих работах», а именно: свежую струю, вносимую авторами в построение учебника по латинскому языку. Она чувствуется в смелом отказе от стандартизированной системы, принципиально новом подходе к изложению материала, в попытках оживления мертвого языка и приближения его к современности, в историческом подходе к объяснению языковых фактов, в развернутых объяснениях этих фактов вместо кратких, голых, сухих правил, в попытке, хотя и чрезвычайно робкой, встать на путь требований современного языкознания.

Однако эта новизна в построении курса уже в самом учебнике нашла кривое отражение. Авторы не справились с практическим осуществлением намеченных ими принципов, что требовало глубокой и всесторонней продуманности и очень большого методического опыта. На всем учебнике лежит печать крайней спешности в его составлении; иногда даже кажется, что они излагают то, что им подвернется прежде всего под руку. В результате вместо единой выдержанной системы получилась какая-то страшная хаотичность в самом расположении материала, не оправданная никакой

¹ Публикуя настоящую рецензию, редакция ВДИ заканчивает обсуждение учебника латинского языка для средней школы. Соглашаясь с общей оценкой учебника в данной рецензии, редакция считает, что учебник С. П. Кондратьева и А. И. Васнецова нуждается в основательной переработке прежде всего с точки зрения методической. Желательно, чтобы предварительно Учпедгиз организовал совещание преподавателей латинского языка в средней школе по вопросу о переиздании учебника.

методикой; отсюда и сумбурность в изложении отдельных явлений и правил. Особенно резко это ощущается в изложении III склонения.

Нам вполне понятен поэтому и резкий тон, взятый А. Козаржевским в его рецензии. Но тем не менее мы все-таки не можем разделить его точку зрения о полной непригодности учебника в школе: в руках опытного преподавателя он может быть использован во многих случаях не без успеха. Разумеется, этого недостаточно для школы в целом с ее молодыми кадрами латинистов, поэтому учебник должен быть переработан самым коренным образом. В связи с необходимостью такой переработки нам хотелось бы коснуться некоторых вопросов методического построения учебника по латинскому языку.

Как это ни странно, но в учебнике С. П. Кондратьева и А. И. Васнецова, предназначенном для средней школы, не только отсутствует сама методика, но даже и забота о ней. Вот почему и «методические указания для учителя» в начале книги, на отсутствие которых указывает А. Козаржевский, были бы здесь совершенно бесполезны.

Каким представляется нам учебник латинского языка? Всякий учебник по древнему языку для средней школы, с нашей точки зрения, должен быть построен по урокам. Правда, во всех существующих учебниках тоже нет поурочной системы; но то — учебники для высшей школы, а не средней; в этом разница. В учебнике для средней школы материал должен быть обязательно дозирован. Дозировки материала должны быть тщательно продуманы, чтобы можно было изучаемый в данном уроке материал уложить в течение одного или двух часов; при этом сюда должен быть включен материал не только теоретический, но и практический вместе с домашним заданием.

Преимущество поурочной системы в том, что она позволяет сразу видеть, на какое количество часов рассчитан весь сконцентрированный в учебнике материал. Она вселяет чувство бодрости в учащегося, ставя перед ним ограниченные и вполне достижимые цели. Отсутствие такой системы порождает чувство растерянности перед огромным количеством материала, отсюда возникает сознание безнадежности справиться с этим материалом. Осваивая отдельные уроки, ученик преодолевает один небольшой этап за другим. Преодоление первого небольшого раздела невольно толкает его на преодоление следующего, возбуждая интерес к тому, что идет дальше, за этим уроком, и, таким образом, весь процесс изучения проходит легко и незаметно.

Поурочная система имеет и другое, далеко не маловажное значение: она позволяет расположить излагаемый в учебнике материал в таком порядке, который диктуется самой логикой его развертывания, что в свою очередь может предохранить и самого автора от очень серьезных методических ошибок. Можно быть уверенным, что, если бы авторы рецензируемого учебника построили его по поурочной системе, у них не получилось бы такого беспринципного хаотизма в расположении материала, который отличает их не плохо задуманную книгу.

Основное требование, предъявляемое в преподавании латинского языка, — рассматривать соответствующие языковые явления в их многочисленных диалектических связях как между собой, так и с явлениями родственных языков, вскрывая ту почву, которая рождает эти явления. С этой точки зрения требуется прежде всего предпослать изложению материала краткий, но исчерпывающе ясный, конкретный, даже с иллюстрациями, очерк исторического значения и роли латинского языка, его трансформации в современных языках и взаимоотношения с языком русским. Поэтому, чтобы облегчить учащемуся понимание самого языка, необходимо обрисовать как можно нагляднее его положение и роль в античном Риме, в средневековье и в наше время.

Но, и помимо этого, следует, пользуясь всякой возможностью, отмечать связи между фактами латинской грамматики и лексики с такими же явлениями языка русского, а также современных западноевропейских языков. А этих связей очень много: единство самого принципа склонения, общность некоторых окончаний склонения и спряжения, одинаковый принцип словообразования, общие начала в употреблении некоторых предлогов и падежей, общность корней слов, некоторая общность синтаксических явлений.

Но языки характеризуются не только сближениями, но и, даже в еще большей степени, их расхождением. В этом отношении, в частности, было бы очень важно отметить наличие несоответствия с латинским языком в количестве и образовании времен глагола в русском языке. Необходимо также отчетливо противопоставить друг другу особенности временной и видовой передачи форм глаголов в том и другом языке. Между тем о видах глагола в учебнике нигде даже и не упоминается, во всяком случае конкретно не вскрывается видовое значение форм латинского спряжения. Совершенно отвлеченно в учебнике С. Кондратьева и А. Васнецова дается понятие и о страдательном залоге, между тем как это один из самых трудных пунктов грамматики не только латинской, но и еще в большей степени — русской.

Следует ли привлекать исторические и научные данные для пояснения грамматических явлений? В этом вопросе нельзя согласиться с отрицательной точкой зрения В. С. Соколова и А. Коваржевского. Ведь если логически следовать вполне правильно и четко сформулированной самим же В. С. Соколовым задаче изучения латыни в советской школе, то надо признать, что только привлечение исторических параллелей, а также чисто научных данных, которые, вскрывая действительную природу языковых явлений, оживляют мертвые латинские формы, — только это одно и может спасти школу от крайнего формализма и сухости в преподавании латинского языка, мы не говорим уже о том, что это расширяет грамматический кругозор учащегося и поясняет диалектические связи явлений. Ведь есть вполне доступные пониманию учащегося даже средней школы данные истории языка и научной грамматики, которые смогут раскрыть перед ним истинную сущность явления и тем облегчить его запоминание. Дело, следовательно, здесь вовсе не в отрицании самой необходимости привлечения данных истории и науки, а в отказе от той неуклюжей формы, которую избрали авторы учебника для привлечения этих данных. Очень часто они привлекают исторические данные тогда, когда они не нужны и к тому же совершенно бесполезны в данном случае; и, наоборот, там, где эти данные нужны и где они могли бы помочь пониманию раскрываемого явления, авторы их не привлекают. Примером этого может служить изложение материала III склонения, на котором мы остановимся немного подробнее.

Исторические объяснения, привлекаемые авторами в самом начале изложения, сводятся к указанию того, что «формы III склонения и их особенности относятся, по существу, к небольшому отрезку времени, называемому *классическим периодом*... Формы до этого периода (архаическая латынь) и после этого периода (вульгарная и средневековая латынь) представляют многочисленные отступления от указанных форм».

Для чего нужно это указание начинающему изучать латинский язык? Что оно дает ученику, не сведущему в тонкостях литературно-языкового развития древнего Рима? Между тем основная особенность III склонения — варианты — вразумительным образом не разъяснена. После голыи таблицы гласного склонения, из которой не явствует, какую же роль играет в образовании различий этого склонения основа, авторами делается такой неожиданный и, хочется сказать, недостойный ученого вывод: «Такой хаос (разрядка моя. — П. Г.) окончаний вызвал необходимость в новейшее время (?) создать третий вид III склонения и назвать его смешанным склоне-нием».

Здесь все антинаучно: и самое понятие «хаос» вместо исторически нормально сложившегося явления, которое и следует прежде всего объяснить (да и странно говорить о хаосе там, где налицо всего лишь два различных окончания!); и совершенно непонятное для ученика, «новейшее время», которое он, за неимением исторической перспективы, несомненно, отнесет к XX в.; и, наконец, «необходимость создать третий вид склонения и назвать его смешанным». Ведь непосредственный смысл этих последних слов получается такой: смешанное склонение создано кем-то из ученых, очевидно, преднамеренно, чтобы выйти из «хаоса» имеющихся окончаний, в то время как на самом деле, как это известно и нашим авторам, оно — естественный результат исторического развития языка, обусловленного определенными социальными и идеологическими причинами. Притом к «хаосу» имеющихся уже окончаний этот неведомый

для ученика «создатель смешанного склонения» прибавил еще одно лишнее окончание, тем самым не только не уничтожив, а, наоборот, еще больше увеличив уже имеющуюся «хаотичность». Такой именно вывод напрашивается из приведенного нами выше замечания. Уж если где и требовалось привлечение научно-исторических данных, так это именно здесь. В их свете можно было бы изложить все это и проще и понятнее.

Мы не останавливаемся на других фактах неуклюже использованных исторических параллелей. Полностью приветствуя возможно широкое применение принципа историзма в преподавании латинского языка, мы считаем, что делать это надо продуманно и обоснованно с учетом всех требований методики преподавания языка.

П. И. Глебов

Издания на Народния Археологически Музей, нова серия, «Разкопки и проучвания», № I и II, София, 1948.

Среди литературы, отражающей огромный рост исторической науки в народно-демократической Болгарии, с особенным интересом мы останавливаемся на изданиях Народного Археологического Музея. Эта новая серия исследований показывает, какой большой перелом происходит в среде прогрессивных болгарских ученых, стремящихся к овладению марксистско-ленинской теорией.

Проблемы, поставленные во «Введении» Н. Мавродиновым, открывают широкие возможности по перестройке всей болгарской археологической науки. Решительно осуждая вещайскательство и вещеведение, столь характерные для буржуазной науки, Мавродинов указывает главные цели болгарских археологов: «Мы стремимся приложить исторический материализм к истории материальной культуры нашей страны» (стр. 5).

Два первых выпуска указывают на значительные успехи болгарской археологии.

В первом выпуске отдел предистории и древней истории начинается работой известного исследователя В. Микова «Предисторическото селище до с. Михалич Свиленградско» (стр. 7—25). Автор публикует раскопки, произведенные им в 1945 г. в районе Свиленграда. В окрестностях с. Михалич было раскрыто укрепленное поселение на возвышенности и менее значительные остатки поселений на равнине, относящиеся к периоду 2600—2200 гг. до н. э. Разнообразный материал: остатки прямоугольных хижин с очагами и хорошо сохранившейся круглой печью, каменные орудия, изделия из кости и дерева, многочисленная керамика, остатки костей животных (собака, корова, лошадь, овца, свинья, кошка), пряслица и отпечатки ткани на глиняном сосуде — показывают, что здесь существовало большое поселение в эпоху позднего неолита. Родовая община, обитавшая в этом поселке, занималась скотоводством, составлявшим основу хозяйства. О развитии земледелия говорят весьма многочисленные каменные зернотерки. Автор совершенно справедливо указывает на тесные связи культуры этого поселения с культурой прибрежной Фракии и Македонии, северо-западного побережья Малой Азии и островов Эгейского бассейна.

Столь же большой интерес представляет опубликованный В. Миковым (стр. 26—62) обзор раскопок Народного Археологического Музея, производившихся летом 1946 г. у села Криводол, около 75 км к северу от Софии («Предисторическото селище до Криводол Врачанско»). Автор подробно характеризует обнаруженный материал: остатки прямоугольных хижин с обмазанными глиной стенами, круглые в плане очаги и печи, камни зернотерок и многочисленные предметы бытового обихода из камня, кости, рога и глины. Особенный интерес представляет весьма обильная и разнообразная керамика Криводольского поселения. Разнообразие форм сосудов и богатая орнаментация — врезанный, точечный, бугорчатый и канелированный узоры — указывают на высокое развитие керамического мастерства жителей. Находка медной спирали датирует поселение 2200—1900 гг. до н. э.